

УДК 882

**МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АВТОРА,
ЧИТАТЕЛЯ И ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»**© *Шипицына Наталья Владимировна*

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Бурятского государственного университета.
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: nataship26@mail.ru

Статья посвящена процессу общения всех участников художественного общения: автора, персонажа и читателя. Основываясь на изучении рецептивно-коммуникативной модели «автор – герой – читатель», определяются особенности коммуникации и взаимоотношений между автором и читателем, а также специфика воплощения образа читателя в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Ключевые слова: художественный текст, художественное общение, межличностное взаимодействие, субъекты общения, образ автора, образ читателя, персонаж.

INTERPERSONAL INTERACTION BETWEEN AUTHOR,
READERS AND CHARACTERS
IN M. LERMONTOV'S "A HERO OF OUR TIME"

Natalia V. Shipitsyna

postgraduate student of the Department of Russian and foreign
literature, Buryat State University.
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article reviews the process of dialogue between all participants in the process of artistic communication: the author, the character and the reader. Based on the study of receptive communicative model "author - character - reader", we define features of communication and the relationship between the author and the reader, and the specific embodiment of the reader's image in Mikhail Lermontov's novel «A Hero of Our Time».

Keywords: artistic text, interpersonal communication, interpersonal intercourse, writer's image, reader's image, character.

Читая художественное произведение, мы как читатели вовлекаемся в один из специфических типов общения – художественное или эстетическое, вступаем в общение с автором и персонажами художественного текста. Оно носит виртуальный характер, осуществляется не напрямую между его участниками. Рассмотрим межличностное взаимодействие друг с другом всех участников художественного общения на примере романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

В читательском восприятии роман четко делится на две части. Одна представляет собою объективное повествование о Печорине «извне» – в

записках странствующего офицера («Бэла», «Максим Максимыч», «Предисловие» к «Журналу Печорина»), другая – субъективно-исповедальное самораскрытие героя изнутри в его «журнале» («Тамань», «Княжна Мери», «Фаталист»). Лермонтов, стремясь к наибольшей объективации близкого ему героя, подчеркнуто отделяет его от себя, прежде всего, особой структурой повествования: автор как бы уходит за «кулисы» романа, ставя между собой и героем «посредников», которым и передоверяет повествование. Собственно авторская речь формально представлена только в предисловии к роману. Фактически же она вырастает из стилового «контрапункта» всех голосов романа. Благодаря такой полисубъектной организации повествовательной структуры, по мнению П. А. Висковатова, герой стереоскопически просматривается с разных точек зрения [1].

Чем оправдано это особое построение, в чем его смысл? Ответ на этот вопрос такой: Лермонтов строит свой роман с тем расчетом, чтобы обеспечить постоянный интерес читателя к характеру Печорина, определенную последовательность в раскрытии психологии героя. Он ведет читателя по своеобразным ступеням все большей и большей полноты этого психологического выявления его натуры: сначала, в «Бэле», мы знакомимся с Печориным лишь через рассказ Максима Максимыча, человека «простого» и не способного понять и объяснить нам его до конца; затем, в «Максиме Максимыче», добавляется несколько психологических штрихов, увиденных уже глазами рассказчика, но еще более «заинтриговывающих»; затем следует «Тамань», где Печорин уже и сам чуть-чуть приоткрывает свой внутренний мир; и наконец, «Княжна Мери», где характер героя, его психология раскрываются уже во всей полноте и этот новый, интригующий вызов читателю достигает своего кульминационного напряжения [2, с. 219].

Ведущим началом здесь выступает самоанализ героя, впервые так широко представленный в русской литературе. Самоанализ Печорина имеет в романе разные формы выражения: исповеди перед собеседником; «сиюминутной» внутренней речи героя, синхронной действию; ретроспективного осмысления своих психических состояний и мотивов поведения; «психологического эксперимента» над другими и собой. То, что Печорин постоянно размышляет о своих поступках и чувствах, анализирует их, является свидетельством того, что «герой лермонтовского романа – личность в самом высоком смысле этого слова» [1, с. 182]. Впервые в русской литературе читатель встречается с героем, который прямо ставит перед собой актуальные вопросы человеческого бытия: о цели, смысле жизни человека, его предназначении. Вот рассуждение героя перед дуэлью с Грушницким: *«Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился? А верно она существовала, и верно было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные»* [3, с. 564].

Данная «ступенчатая» последовательность раскрытия психологии Печорина, составляя внутреннюю «интригу» композиции романа, и сама содержит в себе, в свою очередь, некую новую «интригу» – настоя-

чиво ведет читателя к вопросу, который встает перед ним тем неотвязнее и острее, чем лучше узнает он Печорина, чем полнее вырисовывается перед ним характер лермонтовского героя. Такое избранное писателем построение романа дает возможность постепенно ввести читателя в душевный мир героя и создать множество острых ситуаций – вроде встречи автора со своим будущим героем и преждевременного (с точки зрения сюжета) сообщения о его гибели.

Тем не менее, автор предостерегает читателя от однозначной оценки этой неординарной личности. В предисловии к «Журналу Печорина» он пишет: *«Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? Мой ответ – заглавие этой книги. “Да это злая ирония!” – скажут они. – Не знаю»* [3, с. 499]. Так тема «героя времени», знакомая читателям еще по роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин», приобретает новые черты, связанные не только с другой эпохой, но с особым углом ее рассмотрения в лермонтовском романе: писатель ставит проблему, решение которой как бы предоставляет читателю. Как сказано в предисловии к роману, автору *«просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал»* [3, с. 456].

Неоднозначность названия романа, как и самого характера центрального героя, сразу породила споры и разнообразные оценки, но выполнила свою главную задачу: заострила внимание читателя на проблеме личности, отражающей в себе главное содержание своей эпохи, своего поколения (автор в предисловии пишет: *«Герой нашего времени», милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии»* [3, с. 456]. Тем самым Лермонтов подтверждал реалистическую направленность произведения). Таким образом, в центре романа «Герой нашего времени» стоит проблема личности, «героя времени», который, вобрав в себя все противоречия своей эпохи, в то же время находится в глубоком конфликте с обществом и окружающими его людьми.

Как отмечает Д. Е. Максимов, для того чтобы показать внутреннюю жизнь и эволюцию героя, автор использует самые разнообразные средства, среди которых не только монологи, диалоги, внутренние монологи, психологический портрет и композиция произведения, но и пейзаж [4].

Особенности пейзажа связаны, прежде всего, с жанром каждой из частей. «Бэла» написана в форме путевых заметок, и поэтому природа в этой части описывается с большой документальной точностью. В «Тамани», которая представляет собой авантюрно-приключенческую новеллу и открывает дневник Печорина, пейзаж призван интриговать читателя и окружать таинственным, романтическим ореолом героев. Другая задача пейзажа в этой части – противопоставляя дикость, неукротимость стихий и бесстрашие героев, подчеркивать, что для них бушующая стихия – естественная среда. В «Княжне Мери» природа влияет на людей, располагая их к определенному настроению. Так, крутой обрыв в сцене дуэли Печорина и Грушницкого, выполняющий сначала роль

выразительного антуража, в итоге становится причиной нарастания напряженности героев: тот, в кого попадут, будет убит и найдет свое пристанище на дне жуткой пропасти. Такая функция пейзажа – следствие реалистического метода Лермонтова. В философской повести «Фаталист» описание природы играет роль символа. Здесь звездное небо символизирует гармонию мировосприятия и ясность цели человеческого существования, которых как раз и не хватает Печорину в жизни.

Кроме того, пейзаж служит и средством характеристики различных персонажей. Отношение героя к природе выступает мерилем глубины и неординарности его натуры. Так, пейзажные зарисовки в «Журнале Печорина» помогают понять его сложный, мятежный характер и раскрывают широкую душевную организацию. В своем дневнике он неоднократно дает почти поэтические описания окружающего пейзажа: *«Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окно, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками»* [3, с. 509].

Так же, по замечанию Д. Е. Максимова, для раскрытия разнообразных черт личности «героя времени» служат и все второстепенные персонажи романа, включая и женские образы, сколько бы яркими и запоминающимися они ни были [4]. Так, соотношение с Вуличем помогает прояснить отношение Печорина к проблеме фатализма. Линии Печорин — горцы и Печорин – контрабандисты выявляют соотношение «героя времени» и традиционных героев романтической литературы: они оказываются слабее его, и на их фоне фигура Печорина приобретает черты не просто личности исключительной, но порой демонической. В противопоставлении Печорина и «водяного общества» раскрывается проблема социальных взаимоотношений «героя времени» с людьми его круга. В таком своеобразном построении системы образов романа, когда все сюжетные линии оказываются стянуты к одному главному герою, а остальные персонажи помогают наиболее полно его представить, состоит одна из художественных особенностей произведения М. Ю. Лермонтова.

Итак, рассмотрев всех участников процесса художественного общения, мы пришли к выводу о том, что между ними существует совсем не простое и далеко не прямолинейное, а достаточно разветвленное и переплетающееся межличностное взаимодействие. Причем это взаимодействие сводится к двум типам: субъектно-объектному и субъектно-субъектному. При субъектно-субъектном общении, как отмечает А. С. Комаров, «каждый из этих субъектов (автор, читатель и персонаж) несет в себе собственное “я”, не тождественное другому “я”» [5, с. 176].

В случае если «я» одного из них ассимилируется другим «я», то можно говорить о превращении одного из субъектов межличностного взаимодействия в его объект. Это превращение в романе происходит в следующих случаях:

- персонаж для читателя выступает источником информации об авторе, самом себе, свотм втором «я» или знакомых ему людях (например, Максим Максимыч как источник информации о Печорине);

- персонаж для автора выступает средством реализации авторского «я» (например, персонажи, которые группируются вокруг Печорина);
- читатель видит в авторе свою собственную субъективность, а художественное произведение воспринимается читающим как средство в изучении авторского «я», своего «я» и «я» других людей;
- автор видит в читателе персонаж, который выступает реализацией «я» автора или его второго «я» (в качестве примера можно привести такой тип воображаемого читателя, как читатель-слушатель (в романе это странствующий офицер, ведущий свои путевые записи), который одновременно является героем произведения и читателем).

Таким образом, художественный анализ романа доказывает: слово, по воле писателя став частью художественного произведения, помогает выделить целостный организующий образ произведения и изменяет качество адресата, превращая его из простого читателя в полноправного участника художественной коммуникации. Подобное межличностное взаимодействие способствует развитию полноценного восприятия художественного произведения и позволяет читателю подсознательно говорить с автором на языке его творения.

Следовательно, справедливым является следующее утверждение А. М. Левидова: «Автор – образ – читатель – единая система, в центре которой находится художественный образ, важнейшая промежуточная “инстанция” в общении читателя с автором, когда он читает, и автора с читателем, когда он творит. Именно здесь – в художественном образе – встречаются их творческие пути» [6, с. 326].

Литература

1. Висковатов П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. – М.: Книга, 1989. – 454 с.
2. Лермонтов М. Ю. Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1979. – 431 с.
3. Лермонтов М. Ю. Соч.: в 2 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – 704 с.
4. Максимов Д. Е. Об изучении мировоззрения и творческой системы Лермонтова // Русская литература. – 1964. – № 3. – С. 1–12.
5. Комаров А. С. Автор и персонаж в субъект-субъектном пространстве художественной прозы // Филологические науки в МГИМО. – 2012. – № 48. – С. 176–185.
6. Левидов А. М. Автор – образ – читатель. – 2-е изд. доп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 352 с.